

В НАПРАВЛЕНИИ ОГРАНИЧЕНИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА*

Лешек Бальцерович**

Резюме

В данной статье рассматриваются критерии, помогающие определить оптимальный масштаб государственного вмешательства и вопросы отношений между индивидом и государством. В начале статьи представлены некоторые пояснения, касающиеся концепции государства, поскольку многие структуры, традиционно рассматриваемые как «государства», не удовлетворяют даже минимальным нормативным требованиям, установленным в ходе дискуссий о том, что должно делать «государство». В заключении статьи приводится доказательство того, что классическая версия ограничения функций государства является оптимальной в том смысле, что обеспечивает наилучшую защиту экономических и личных свобод.

Классификация JEL: H11

Ключевые слова: государство, функции государства, экономическая свобода

1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА И ГОСУДАРСТВО

История показывает, что каждая большая и проживающая на определенной территории группа людей всегда имела некоторый набор правил, касающихся отношений между людьми, а в более современных обществах – некоторую систему организаций, регулирующих кооперацию, разрешение конфликтов и обеспечивающих оборону. Некоторые из этих институциональных систем называются «государствами». Имеет ли группа государство или институциональную систему без государства, безусловно, зависит от определения государства. Наиболее широко используемым является определение Макса Вебера: государство существует в том случае, когда имеет место особый аппарат, обладающий монопольным правом на использование принуждения на определенной территории (Weber (1922), 29–30).¹ Структуры, не удовлетворяющие этому условию, не считаются государствами. Например, благотворительное общество не является государством, однако таковым является «государство всеобщего благосостоя-

* Balcerowicz, L. (2004) Toward a Limited State, *Cato Journal*, 24, 3, Fall, 185–204.
© Cato Institute, 2004

** Президент Национального банка Польши (г. Варшава, Польша). Автор выражает благодарность Симеону Джанкову, Якубу Карновскому, Ричарду Мессигу, Яцеку Ростовскому, Анджее Ржонца и Андрею Шлейферу за полезные комментарии. Данная статья представляет собой пересмотренную версию лекции, опубликованной Всемирным банком (Balcerowicz (2003)).

¹ Кревелд сузил веберовское определение, включив требование наличия в государстве соответствующей правовой системы (Creveld (1999), 1).

ния». Согласно определению Вебера, структуры, в которых правящая группа совершает преступления в отношении других членов общества, проживающих на той же территории, по-прежнему будут называться государством, хотя и эксплуататорским (например, бывшая Республика Заир при Мобуту Секо-Секо).

В качестве отправной точки дискуссии об оптимальном масштабе деятельности государства можно обратиться к предложенной Робертом Нозиком концепции *минимального* государства, то есть государства, ограниченного выполнением «функций защиты всех своих граждан от насилия, воровства и обмана, а также обеспечения соблюдения контрактов» (Nozick (1974), 26).

2. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОПТИМАЛЬНЫЙ НАБОР ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА РАЗЛИЧНЫМ ДЛЯ РАЗНЫХ ОБЩЕСТВ?

Зависит ли взгляд на оптимальный набор функций государства от характеристик существующих государств или особенностей обществ, на основе которых возникли эти государства? Например, должно ли государство выполнять больше (или меньше) функций в более бедных странах по сравнению с более богатыми? Зависит ли оптимальный масштаб деятельности государства от этнического состава населения и обусловленной этим степени напряженности внутри общества?

Другой вопрос заключается в том, является ли оптимальный масштаб государственного вмешательства следствием демократизации. Если да, то можно утверждать, что в некоторых обществах оптимальный масштаб государственного вмешательства предполагает более интенсивное перераспределение доходов в ущерб экономическому росту, тогда как другие общества отдадут предпочтение менее интенсивному перераспределению и более высоким темпам экономического роста. В то же время использование правила простого большинства в качестве критерия оценки действий государства является рискованным, поскольку это подразумевает необходимость принятия любого решения, одобренного большинством, в том числе предполагающего преследование меньшинств, экспроприацию собственности и грабительское налогообложение. Следовательно, применение правила простого большинства должно быть ограничено, что выдвигает на передний план необходимость поиска других критериев определения масштаба государственного вмешательства.

Ответ на вопрос, является ли оптимальный набор функций государства различным для разных обществ, в значительной степени зависит от того, существенно ли отличаются индивиды, принадлежащие к разным сообществам. Я полагаю, что существуют достаточно сильные мотивационные и когнитивные инварианты, определяющие человеческую природу, так что оптимальный масштаб государственного вмешательства в целом является одинаковым для всех сообществ. Политика, исходящая из противоположной точки зрения – например, предполагающая, что более бед-

ным обществам необходимо более активное вмешательство государства, поскольку бедные фермеры не реагируют адекватно на стандартные экономические стимулы, – явилась основной причиной сохранения бедности в странах третьего мира (Bauer (1976); Schultz (1980)). Гораздо более серьезная ошибка была совершена марксистами, которые полагали, что ликвидация частной собственности позволит создать нового, более совершенного индивида.

Более современная версия заблуждения в отношении функций государства приводит несовершенство рыночной информации (то есть индивидов) в более бедных обществах в качестве аргумента в пользу более активного государственного регулирования экономики. Данная рекомендация сбивает с толку, поскольку степень фактического вмешательства государства в регулирование экономики в развивающихся странах, как правило, значительно выше той, которая могла бы быть оправдана какими-либо соображениями эффективности (Djankov et al. (2002)). Кроме того, необходимо учитывать возможность того, что некоторые функции, входящие в оптимальный набор видов деятельности государства, могут быть переданы внешним органам, таким как международные организации. В этом случае мы столкнемся с вопросом оптимального распределения данного набора видов деятельности государства и связанной с этим проблемой изменения роли национального государства. Подобные вопросы находятся в центре внимания дискуссий вокруг Конституции Европейского Союза (Creveld (1999), 402–421; Mathews (1997), 50–65).

3. КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО НАБОРА ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Подход традиционной экономической теории к определению оптимального набора функций государства нельзя назвать удовлетворительным.² В частности, когда такие экономисты, как Джозеф Стиглиц, указывают на то, что «первоочередной задачей государства» является создание правовой системы, «в рамках которой заключаются все экономические сделки» (Stiglitz (1988), 24), это почти ничего не говорит о желательном содержании законов и о том, как оно может повлиять на желательность или эффективность обеспечения их соблюдения. Кроме того, обычно ничего не упоминается о негосударственных механизмах обеспечения соблюдения законов и об их взаимосвязи с механизмами, созданными государством. Создается впечатление, что в ведении государства неизбежно находятся все вопросы, связанные с разрешением конфликтов в экономической жизни. Данное впечатление противоречит эмпирическим фактам (см., например, Greif (1997); Gow, Swinnen (2001); Waldmeir (2001)).

² Я обращаю ваше внимание на книгу Стиглица (Stiglitz (1988)), поскольку она представляет собой наилучший пример указанного подхода. В других работах можно найти другие недостатки.

Данное недоразумение связано с использованием концепции общественных благ как обладающих свойствами неконкурентности и неисключаемости в потреблении (Samuelson (1954), 387–389). Если эти блага должны быть предоставлены, хотя бы в незначительном количестве, то необходимы налоги и соответствующее принуждение со стороны государства. Однако какие блага действительно являются общественными? Входит ли обеспечение правосудия в сферу деятельности государства на том основании, что соответствующие услуги являются общественным благом? Очевидно, этого нельзя сказать обо всех подобных услугах. В таком случае, какие «услуги по обеспечению правосудия» представляют собой общественное благо? Является ли маяк, пример общественного блага, наиболее часто используемый в учебниках, общественным благом? Рональд Коуз показал, что в XIX столетии в Великобритании маяки управлялись и финансировались частным образом (Coase (1974)). Однако это не помешало использовать маяк в качестве основного примера общественного блага во многих учебниках (например, Stiglitz (1988), 75).

В реальной жизни может быть гораздо меньше общественных благ, чем обычно считается. Как следствие, необходимый (или желательный) масштаб деятельности государства также может быть более узким. Некоторые блага, провозглашенные «общественными», в действительности могут быть частными благами, включенными в сферу деятельности государства посредством государственного вмешательства, которое устранило или ограничило возможность добровольного финансирования производства этих благ в частном порядке. Иначе говоря, некоторые примеры использования теоретической концепции общественных благ постфактум непроизвольно служат обоснованием результатов имевшего место ранее расширения деятельности государства.

Аналогичным недостатком обладает концепция «внешних эффектов». Несложно предположить, что общественная выгода превышает частную (положительные внешние эффекты) или что общественные издержки превышают частные (отрицательные внешние эффекты), и потребовать вмешательства государства. Однако было установлено, что по крайней мере некоторые внешние эффекты могут быть обусловлены несовершенством институциональной системы, то есть неадекватной спецификацией прав собственности (Mises (1949), 654–663). В подобном случае решение проблемы будет связано не с дополнительным вмешательством государства, а с устранением препятствий, блокирующих развитие прав частной собственности. Это может потребовать прекращения имевшего место ранее вмешательства государства в некоторые сферы. При этом теорема Коуза указывает на возможность решения проблемы некоторых внешних эффектов путем прямых переговоров между заинтересованными сторонами (Coase (1960), 45–56).

Неудивительно, что Чарльз Вульф мл., экономист «Корпорации РЭНД», заканчивает свой всесторонний анализ трактовки провалов рынка в экономической литературе утверждением, что «не существует какой-либо формулы определения необходимого минимального порога масштабов госу-

дарственной деятельности и объемов производства» (Wolf (1988), 153). Данный агностический вывод достаточно хорошо резюмирует существующую в литературе позицию относительно оптимального масштаба деятельности государства.

4. НАЗАД К ОСНОВАМ

Амартиа Сен определяет основную причину того, почему экономическая теория делала столь неоднозначные выводы относительно желательного масштаба государственного вмешательства, следующим образом: «Экономическая теория как наука двигалась, как правило, в противоположном направлении от рассмотрения значения свобод к рассмотрению полезности, доходов и богатства. Данное сужение поля зрения ведет к недооценке всей роли рыночного механизма» (Sen (1999), 27).³ Как и Ф.А. Хайек (Hayek (1960)), Сен полагает, что экономическая теория слишком далеко зашла в своих суждениях о действиях государства только с точки зрения ожидаемых последствий, исключая разумные доводы в пользу основных индивидуальных свобод как критерия определения допустимого и желательного масштаба государственной деятельности.

Экономическая свобода определяется как «отсутствие принуждения со стороны государства или ограничений в сфере производства, распределения или потребления товаров и услуг за исключением принуждения, необходимого самим гражданам для защиты и сохранения своей свободы» (Beach, O'Driscoll (2003)). Основными составляющими экономической свободы являются гарантированные права на приобретенную законным путем собственность, свобода участвовать в добровольных сделках внутри и за пределами национальных границ, отсутствие государственного контроля за условиями сделок, в которых принимают участие индивиды, а также свобода от экспроприации государством прав собственности (Rabushka (1991); Hanke, Walters (1997)). Существуют два основных типа ограничений экономической свободы: ограничительные нормы и налоги, превышающие уровень, необходимый для финансирования функционирования государства в масштабах, требуемых для защиты классических экономических (и других) свобод.⁴

События XX в. серьезно ослабили интеллектуальные и конституционные позиции экономической свободы в западных странах. Я приведу два примера, иллюстрирующие четко выраженную тенденцию. Во-первых, в своей широко цитируемой восхитительной книге Джон Роулз убедительно

³ Сен использует слово «свобода» в классическом смысле, то есть подразумевает под ним основные свободы. В других частях своей книги Сен меняет значение данного термина таким образом, чтобы включить в него другие блага. Данная расширенная трактовка делает неясным смысл свободы.

⁴ Это – определения ограничений экономической свободы, а не утверждения о том, какие ограничения (или же никакие) являются оправданными. Более подробно о том, что представляют собой ограничения или случаи государственного вмешательства, см. Hayek (1960), 220–223.

выступает в пользу «принципа свободы» как наиболее важного критерия, определяющего общественную жизнь и роль государства (Rawls (1971)). В то же время он исключает некоторые основные элементы экономической свободы (например, свободу предпринимательства) из перечня свобод, которым должен отдаваться приоритет. Неудивительно, что Роулз приходит к выводу, что рыночный социализм может быть идеальной институциональной системой. Однако рыночный социализм может функционировать лишь в том случае, если люди будут лишены прав частной собственности и тем самым свободы создавать частные фирмы. Капитализм не требует юридического запрета на деятельность предприятий, не являющихся частными (например, некоммерческих организаций и кооперативов). Наоборот, когда люди обладают правом выбора между вложением денег, времени и энергии в частную фирму или кооператив, они в большинстве своем выбирают первое. Таким образом, сущностью капитализма является свобода выбора, тогда как рыночный социализм требует запрета частных предприятий (Balcerowicz (1995b), 104–110). Могут ли в таком случае эти две системы в равной мере считаться совместимыми с «приоритетом свободы»?

Другой пример ослабления позиций экономической свободы в западных странах связан с конституционными изменениями, произошедшими в Соединенных Штатах, стране, где традиции ограничения функций государства являются наиболее сильными. В 1930-е гг. Верховный суд подчинил экономические свободы другим свободам вопреки первоначальному толкованию американской конституции (Dorn (1988), 77–83). Ослабление конституционных основ, обеспечивающих защиту экономической свободы, открыло путь усилению регулирования. Спустя годы последствия этого регулирования были критически проанализированы в экономической литературе, однако лишь немногие ученые увязали усиление регулирования с произошедшим ранее ослаблением конституционных основ экономической свободы.⁵ Даже Джордж Стиглер в своей новаторской статье о регулировании экономики не упомянул о подобной связи (Stigler (1971)).

⁵ Глэзер и Шлейфер утверждают, что усиление регулирования бизнеса в Соединенных Штатах в начале XX в. могло быть «эффективной реакцией» на подрывные действия в отношении правосудия, осуществляемого в судах, со стороны недавно возникших крупных корпораций (Glaeser, Shleifer (2003)). Легче ли воздействовать на суды или на законодателей и сотрудников регулирующих органов – это сложный эмпирический вопрос. Даже если в течение данного периода суды действительно были «взяты под контроль» крупным бизнесом, не возникает уверенности в том, что наилучшей стратегией является принятие специфического регулирующего законодательства и создание специальных регулирующих органов, а не укрепление судов, действующих в рамках более общего законодательства. Я допускаю, что ввиду усиления регулирования и последующего дерегулирования даже сторонники регулирования, вероятно, согласятся с тем, что более прочные конституционные основы, обеспечивающие защиту экономической свободы, будут весьма уместны. В более широком плане я хотел бы подчеркнуть, что вопрос о выборе между судами и регулированием является второстепенным по отношению к вопросу, какими должны быть ограничения экономической свободы или при каких условиях права собственности не должны приниматься во внимание (см. Mises (1949), 654–661; Nozick (1974), 178–182).

Как показывают эти примеры, философская концепция «приоритета свободы» является весьма слабой интеллектуальной защитой против расширения функций государства, если экономическая свобода исключена из перечня свобод или отодвинута на второй план. В этом случае широко открыт путь к усилению экономического регулирования.

Дополнительный ущерб наносится в случае радикального изменения концепции индивидуальных прав путем включения в нее «социальных» прав или прав «на получение пособий». Тем самым, классическое представление о свободе как сфере, защищенной от посягательств со стороны других людей, сливается с концепцией прав на деньги других людей, обеспечиваемых государством посредством повышения налогов.⁶ В результате возникает конфликт между этими двумя разными типами прав и опасность дальнейшего ослабления экономической свободы вследствие повышения налогов, обусловленного увеличением социальных трансфертов.

Функции государства наилучшим образом ограничены, когда основные свободы закреплены в действующей конституции.⁷ Это основной аргумент экономической теории конституции (Buchanan (1988)). Устранение или ослабление данных рамок негативно воспринимается теми, кто полагает, что свобода, в том числе экономическая, имеет подлинное значение, и именно поэтому, невзирая на последствия, необходимо ввести ограничение на масштабы деятельности государства. Однако для других людей именно последствия служат основным, или конечным, критерием оценки альтернативных институциональных систем, в том числе альтернативных государственных режимов.⁸ Кроме того, есть люди, которые не воспринимают ни подлинное, ни инструментальное значение индивидуальной экономической свободы. Они полагают, что подлинное значение име-

⁶ Холмс и Санштайн указывают, что оба типа прав требуют денег (Holmes, Sunstein (1999)), поэтому различие между правами на свободу и правами на получение пособий не является непреодолимым. Однако никто не отрицает, что защита индивидуальных свобод требует определенных расходов на содержание полиции и судов, так что едва ли это является открытием. Главное различие между правами на свободу и правами на получение пособий заключается в другом. В первом случае деньги налогоплательщиков используются для защиты индивидов от агрессии и посягательств со стороны других людей, во втором случае – на перераспределение доходов. Кроме того, два типа прав, как правило, оказывают совершенно разное воздействие на поведение индивидов и, соответственно, на экономическое развитие. Другие различия между правами на свободу и правами на получение пособий см. в Lomasky (1987), 84–110.

⁷ Хайек подчеркивает, что, принимая во внимание технические изменения, «ни один перечень прав, требующих защиты, не может считаться исчерпывающим» (Hayek (1960), 216). Поэтому «господство свободы» определяется с помощью общего требования того, чтобы «сфера свободы действий индивида включала все, что явным образом не ограничено общим законодательством».

⁸ Вероятно, наиболее известным современным примером данного инструментального (или «прагматичного») подхода к выбору институциональных рамок является высказывание Дэн Сяопина о том, что не имеет значения, является ли кот белым или черным; главное, чтобы он делал свою работу.

ет власть государства (нации) (или что свободный рынок имеет отрицательное значение) вне зависимости от последствий.⁹

5. ОГРАНИЧЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Существует ли выбор между экономической свободой и такими переменными, как экономический рост, связанное с ним преодоление бедности и масштаб таких явлений, как преступность или коррупция? Должно ли государство вводить ограничения экономической свободы с тем, чтобы получить больше позитивных или меньше негативных явлений?

Давайте возьмем в качестве точки отсчета государство, функции которого ограничены и сосредоточены на защите основных свобод, в том числе экономических. Если данное государство является демократическим, то действие правила простого большинства ограничено этими свободами, что предполагает гарантию этих свобод действующей конституцией. Требование, содержащееся в определении, относительно того, чтобы государство было сосредоточено на защите основных свобод, подразумевает, что оно не может расширить функции в форме и направлении, ограничивающими эти свободы, так что его функции неизбежно являются ограниченными.¹⁰ В то же время государство с ограниченными функциями активно выполняет конституционную функцию защиты основных индивидуальных свобод от посягательств со стороны третьих лиц.

Существует множество возможных вариантов государств, представляющих собой более или менее радикальное отклонение от данной модели. Я акцентирую внимание на трех широких категориях: (1) квазилиберальное государство с расширенными функциями, (2) нелиберальное государство с расширенными функциями и (3) антилиберальное (коммунистическое) государство с расширенными функциями.

В первом случае расширенные функции государства включают различные комбинации регулирования и перераспределения доходов, подразумевающие определенные потери экономической свободы, однако без ее подрыва. Именно поэтому я называю данную модель квазилиберальной.

⁹ Данная категория людей включала непропорционально большое число интеллектуалов из западных стран. Объяснение данного интересного феномена см. в Schumpeter (1950); Mises (1956); Nozick (1997).

¹⁰ Выполнение данного требования, содержащегося в определении, то есть, создание и сохранение государства с ограниченными функциями, требует специальных институциональных рамок, таких как действенная система сдержек и противовесов, контроль за репрессивным аппаратом государства (полицией, прокуратурой, налоговыми органами), независимая и эффективная судебная система, свободные средства массовой информации и конституционный суд. Создать эти институты и обеспечить их защиту далеко не просто. Фактически, намного проще расширить функции государства, чем оставить их ограниченными. А после их расширения сложно вернуть все назад.

Достаточно хорошая защита ограниченной экономической свободы обеспечивается посредством судебной системы.

В нелиберальном государстве с расширенными функциями экономическая свобода в большей степени ограничена регулирующими нормами по сравнению с предыдущим случаем, однако частное предпринимательство не запрещено. В свою очередь, социальные трансферты будут меньшими. Степень защиты государством оставшихся экономических свобод гораздо слабее, чем в квазилиберальных государствах.

И, наконец, в коммунистическом государстве частное предпринимательство находится под запретом, и этот запрет, как правило, является действенным по причине суровости наказания за нарушение, установленного государством. Действенный запрет частного бизнеса приводит к вакууму, который должен быть заполнен государственной командной экономикой. Поэтому антилиберальное коммунистическое государство должно выполнять очень многие функции. Это – функциональная необходимость (Balcerowicz (1995b), 51–54). В то же время данному государству нет необходимости создавать особую систему социальных трансфертов. Действительно, в маоистской версии государства они были достаточно ограниченными.

Используем теперь эту типологию с тем, чтобы сделать некоторые замечания о воздействии различных ограничений экономической свободы на долгосрочный экономический рост и связанное с ним преодоление бедности.

В настоящее время имеется мало примеров государств, выполняющих ограниченные функции (наиболее близко данному типу государства соответствовал Гонконг). Исторические данные убедительно показывают, что режимы с либеральной рыночной экономикой, при которых функции государства законодательно ограничены, имели очень высокие темпы экономического роста (Rabushka (1985)).

Все развитые страны попадают в категорию квазилиберальных государств, выполняющих расширенные функции, но они представляют собой различные комбинации регулирования и перераспределения доходов. Они также отличаются степенью распространения различных негативных явлений. Возьмем, например, долгосрочную безработицу и зададимся основным вопросом: связана ли подобная безработица с функционированием рынка? Или же эти явления связаны с государственным вмешательством, типичным для квазилиберальных государств с расширенными функциями? Теория провалов рынка пытается объяснить безработицу мнимой склонностью работодателей устанавливать заработную плату на уровне, превышающем уровень рыночного равновесия, тем самым обуславливая безработицу (Akerlof (1982)). В то же время данная теория не может объяснить, почему уровень долгосрочной безработицы столь сильно различается по странам ОЭСР. Второй подход, согласно которому указанная безработица является следствием государственного вмешательства (то есть провала государства), намного более убедителен. Действительно, суще-

ствуует обширная эмпирическая литература, которая увязывает долгосрочную безработицу (и уровень занятости) с такими отличительными особенностями государства с расширенными функциями, как щедрые пособия по безработице, высокий уровень налогообложения (вследствие крупных социальных трансфертов), жесткость заработной платы, обусловленная действиями структур, осуществляющих коллективные переговоры и созданных с определенной помощью государства, а также правовые ограничения, препятствующие появлению новых фирм и затрудняющие функционирование рынков труда, жилья и товаров и услуг.¹¹

Люди, являющиеся безработными длительное время, относятся к категории наиболее уязвимых, чьим интересам, согласно Роулзу (Rawls (1971)), должен отдаваться приоритет. Несмотря на это, вызывает иронию тот факт, что вмешательство, являющееся типичным для квазилиберального государства всеобщего благосостояния, выполняющего расширенные функции, ведет к увеличению безработицы. Я не говорю, что любой возможный вариант данного государства неизбежно приводит к долгосрочной безработице. Это, конечно же, не обязательно должно соответствовать истине, что демонстрируют примеры современных Великобритании, Соединенных Штатов, Дании и Ирландии. Можно сказать лишь то, что выход за пределы ограниченных функций государства (то есть ослабление или устранение механизмов, ограничивающих расширение функций государства) создает риск вмешательства с различными нежелательными последствиями¹², в то же время не позволяя достичь заявленных целей¹³.

В большинстве развивающихся стран имеют место квазилиберальный или нелиберальный режимы, и они значительно отличаются по степени экономической свободы и уровню государственной защиты этой свободы. Дискуссии о причинах различий в темпах экономического роста продолжаются, но я полагаю, что практически не вызывает сомнений то, что значительная и хорошо защищенная экономическая свобода способствует

¹¹ В ОЭСР была проделана значительная работа по анализу причин структурной безработицы. Обзор основных выводов см. в Keese, Martin (2002); Nickel (1997); Lindbeck (1994).

¹² Мизес и Хайек тщательно проанализировали эти опасности (Mises (1949), 716–858; Hayek (1960), 253–376). Однако, по крайней мере до недавнего времени, их работам уделялось мало внимания в рамках основного направления экономической теории.

¹³ В работе Tanzi, Schuknecht (1997) эмпирическим путем показано, что расточительные государства, как правило, достигают более низкого уровня благосостояния, измеряемого различными показателями, по сравнению с государствами, которые тратят мало. Фелдстайн показал, что безвозвратные потери от увеличения налогов на самом деле намного больше, чем показывали прежние расчеты (Feldstein (1997)). В работе Gwartney, Holcombe, and Lawson (1998) более низкие темпы экономического роста увязываются с увеличением удельного веса государственных расходов в ВВП. Существуют также многочисленные доказательства того, что выгодами от созданных государством схем перераспределения доходов зачастую пользуются обеспеченные индивиды, тогда как эти схемы мало чем помогают бедным слоям населения (Tanzi (1998b)). Было обнаружено, что регулирование рынков труда, а также товаров и услуг ведет к снижению производительности труда и темпов экономического роста (Scarpetta et al. (2002)).

экономическому росту, тогда как существенные ограничения этой свободы, установленные государством, приводят к катастрофическим последствиям (см. Scully (1992); Hanke, Walters (1997); Keefe, Knack (1997); Dollar, Крау (2000)). В странах развивающегося мира нет выбора между экономической свободой и благосостоянием – ограничение свободы означает ограничение благосостояния. Аналогичный вывод может быть получен исходя из опыта стран с переходной экономикой (Balcerowicz (2002)).

Небольшая группа развивающихся стран Восточной Азии достигла чрезвычайно высоких темпов экономического роста и тем самым явилась основой для проверки различных гипотез, касающихся соотношения ролей государства и рынка. Можно ли объяснить это экономическое чудо определенными особыми формами вмешательства нелиберального государства (например, директивным кредитованием и проводимой государством политикой индустриализации)? Несостоятельность подобной точки зрения показать несложно. Режимы, добившиеся «чуда», различались степенью подобного вмешательства, но они имели одну общую черту – наличие практически всех экономических основ, типичных для государства с ограниченными функциями: относительно открытую экономику, низкий уровень налогообложения и частное предпринимательство (Balcerowicz (1995a), 26–27; эмпирические выводы см. в Quibria (2002)).

Марксистское представление о том, что частная собственность и свободное функционирование рынков являются препятствиями на пути экономического развития, была безжалостно опровергнута опытом. Нет ни одного примера успеха нерыночной экономики, в которой доминирующее положение занимает государство. Наибольшие ограничения свободы привели к огромным потерям благосостояния. Можно только удивляться, как много экономистов разделяли лозунг об экономической жизнеспособности и даже превосходстве социализма и пренебрегали предостережениями Мизеса и Хайека.¹⁴

Я сосредоточил внимание на связях между ограничениями экономической свободы и некоторыми аспектами функционирования экономики. Однако существуют и другие важные переменные, такие как распространение преступности, коррупции и уклонения от уплаты налогов, а также размер теневой экономики. Каким образом эти переменные связаны с типом государства?

Давайте обратимся к понятию первичных преступлений как перечню действий, считаемых преступлениями в любом современном обществе (убийство, нападение, грабеж и изнасилование). Расширение функций государства, как правило, порождает ряд вторичных преступлений (Friedman, Friedman (1984), 136). Ограничения, запрещающие реализацию товара, спрос

¹⁴ Должен сказать, что, зная о реальном опыте функционирования социалистической системы, я был шокирован отсутствием реализма у экономистов, принадлежащих к основному направлению экономической теории, при обсуждении экономической эффективности социализма. Я проанализировал эти дискуссии в работе Balcerowicz (1995b), 35–50.

на который является очень высоким, являются причиной не только вторичных преступлений, но и некоторых обусловленных этим первичных преступлений (например, причиной появления бандитов, убивающих друг друга и полицейских). Особенно показательным примером в этом отношении является «сухой» закон, введенный в Соединенных Штатах в 1920-е гг. Увеличение социальных трансфертов – основная причина резкого роста государственных расходов в европейских странах после Второй мировой войны – привело к повышению налогов, росту масштабов преступлений, связанных с налогообложением, и созданию теневой экономики.

Коммунизм представлял собой крайний случай криминализации человеческой деятельности: любая частная предпринимательская деятельность считалась главным преступлением, независимая политическая деятельность также считалась криминалом.¹⁵ Драматический пример с коммунизмом показывает, что обеспечение соблюдения законодательства не представляет само по себе никакого значения. Вопрос заключается в том, обеспечивается ли соблюдение (защита) основных свобод или же ограничений этих свобод?

Помимо этического вопроса, касающегося содержания законов и значения обеспечения их соблюдения, существует опасение, что судебная система, перегруженная работой по обеспечению соблюдения многочисленных ограничений экономической свободы, будет не в состоянии предотвратить дальнейшее размывание экономических свобод. Государство, выполняющее ограниченные функции, не только дает индивидам максимально широкую экономическую свободу, но и способно обеспечить лучшую защиту этой свободы по сравнению с государством, осуществляющим значительное регулирование.

Давайте теперь обратимся к коррупции. Многочисленные эмпирические исследования увязывают степень распространения коррупции с различными комбинациями факторов, характеризующих по крайней мере некоторые типы государств с расширенными функциями: ограничительные нормы и связанные с ними дискреционные полномочия политиков и бюрократов, высокое номинальное налоговое бремя и значительные масштабы государственных закупок (см. Rose-Ackerman (1999); Tanzi (1998a); Djankov et al. (2002)). Одним из наиболее важных факторов является степень распространения ограничительных норм и административных решений (которые могут быть следствием деятельности популистских (или коррумпированных) политиков), связанных с широкими дискреционными полномочиями, которыми обладают государственные органы. То, что особенно сильно ограничивает экономическую свободу и тем

¹⁵ Запрет экономической свободы требовал в качестве функциональной необходимости запрета политической свободы. В условиях свободной политической конкуренции политическая партия, требующая отмены запрета на частное предпринимательство, была бы хорошо организованной и, учитывая недостатки командной экономики, добилась успеха; то есть были бы введены по крайней мере некоторые элементы экономической свободы (Balcerowicz (1995b), 131–133).

самым подавляет экономический рост, одновременно весьма способствует коррупции.¹⁶

Взаимосвязь между налогообложением и коррупцией является более сложной. Высокое номинальное и эффективное налоговое бремя может сопровождаться относительно низким уровнем коррупции, если бремя регулирования является незначительным, а дискреционные полномочия бюрократов ограничены. Данную взаимосвязь наилучшим образом иллюстрируют скандинавские страны. В то же время дальнейшее повышение уже достаточно высоких налогов может в долгосрочном периоде создать опасность коррупционных сделок между некоторыми сотрудниками налоговых органов и налогоплательщиками. Кроме того, высокие номинальные ставки налогов способствуют массовому уклонению от уплаты налогов, что отчасти обусловлено наличием незарегистрированной деятельности в рамках теневой экономики (Schneider, Enste (2000), 77–114). И, наконец, значительные социальные трансферты, являющиеся оборотной стороной высокого налогового бремени, способствуют сами по себе или совместно с этим бременем возникновению различных нежелательных тенденций, таких как снижение предложения труда, сокращение частных сбережений, злоупотребление государственными средствами со стороны получателей и иждивенчество (Niskanen (1996); Hanson (1997); Arcia (2000)).

В то время как высокий номинальный и эффективный уровень налогообложения сопровождается относительно низким уровнем коррупции, эффективное налоговое бремя, намного меньшее по сравнению с номинальным, тесно связано с массовой коррупцией. Причина этого проста: эффективный уровень налогообложения является низким, поскольку взятки сотрудникам налоговых органов (и, возможно, их начальству) частично заменяют налоговые платежи. Кроме того, чиновники, «отвечающие» за регулирование, также требуют взяток. По этой причине государство, осуществляющее значительное дискреционное регулирование, как правило, имеет низкое эффективное налоговое бремя и крупные выплаты в виде взяток.¹⁷ Именно по этой причине низкий эффективный уровень налого-

¹⁶ Антилиберальные нормы регулирования включают нормы, запрещающие или ограничивающие действие рыночных сил в сфере образования и здравоохранения путем создания монополистического, или квазимонополистического, государственного сектора, предлагающего «бесплатные» услуги, то есть сектора, которому законодательно запрещено взимать плату с потребителей (устанавливать цены) за эти услуги. В некоторых случаях имеют место скрытые платежи от потребителей определенным людям, занятым в государственном секторе, которые рассматриваются как «коррупция». Осуществление подобных платежей особенно вероятно в том случае, когда спрос является высоким, а предложение ограничено в силу дефицита бюджетного финансирования или неэффективного управления, скажем, в больницах.

¹⁷ Вполне возможно представить себе режим, который способствует высокому эффективному налоговому бремени и массовой коррупции. Такая ситуация имеет место, если номинальный уровень налогообложения высок, налоговые органы весьма эффективно выполняют свою работу и не являются коррумпированными, в то время как другие государственные органы используют регулирование для получения крупных взяток. Однако подобная комбинация является неустойчивой: рано или поздно коррупция распространится

обложения необязательно должен быть тесно связан с высокими темпами экономического роста. Воздействие на экономический рост оказывает не эффективное налоговое бремя само по себе, а сумма реально уплачиваемых налогов и взяток. Структура этой суммы значительно варьируется в зависимости от государственного режима и может выступать в качестве одного из показателей его природы.

Основные выводы данного раздела сводятся к следующему.

- Ограничения индивидуальной экономической свободы трудно оправдать необходимостью повышения эффективности функционирования экономики. Верным, по-видимому, будет прямо противоположное утверждение: чем более радикальным является подобное расширение функций государства, тем больше экономический ущерб. Значительные ограничения экономической свободы ведут к практически таким же значительным потерям благосостояния. Это вне всяких сомнений справедливо в отношении коммунистических государств, а также в отношении нелиберальных режимов многих развивающихся стран. Одной из основных характеристик этих режимов является чрезмерное регулирование, носящее эксплуататорский характер (Djankov et al. (2002)). Правильная постановка вопроса заключается в том, как ограничить функции этих государств таким образом, чтобы они прекратили порождать бедность, неравенство и коррупцию. Даже в случае типичных для западных стран квазилиберальных систем долгосрочная безработица, эта серьезная общественная патология, связана с различными формами государственного вмешательства.
- Различные формы расширения государственного вмешательства могут быть также увязаны с увеличением масштабов преступности, коррупции, уклонения от уплаты налогов и теневой экономики.
- Ограничительные нормы приносят больший вред, чем перераспределение доходов. Широкомасштабное регулирование неизбежно ведет к параличу экономики и массовой коррупции. Оно также приводит к ослаблению государственной защиты тех экономических свобод, которые по-прежнему имеют место. Оставив в стороне этические вопросы, можно сказать, что рациональное ограничение перераспределения доходов определяется требованием фискальной дисциплины и знанием того, что государственные трансфертные платежи могут привести к сокращению предложения труда. Последнее, например, подразумевает, что лучше потратить некоторую сумму на начальное образование, чем на выплату пособий по безработице.
- Многие отклонения от модели государства, выполняющего ограниченные функции, способствуют увеличению числа неудачников, поскольку чрезмерное государственное вмешательство ведет к бедности и долгосрочной безработице. Сторонники роулсианского принципа, согласно которому при-

и на налоговые органы. Кроме того, экономика с высоким бременем налогообложения и крупными взятками потерпит крах.

оритет должен отдаваться интересам подобных людей, должны проявлять осторожность в отношении расширения функций государства.

6. ЗАПОЛНЯЕТ ЛИ РАСШИРЕНИЕ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА БРЕШИ ИЛИ ВЫТЕСНЯЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ?

Приведенные выше важнейшие характеристики расширения сферы деятельности государства вызывают два связанных между собой возражения:

1. Расширение функций явилось реакцией на возникшую необходимость, и поэтому в определенном смысле оно оправдано. Например, Ричард Мюсгрэйв утверждает, что «распад семейных уз, изменчивость делового цикла и рыночных условий» обусловили «все большую необходимость создания новых институтов, обеспечивающих защиту», и, таким образом, «рост государственного сектора явился следствием, а не причиной» (Buchanan, Musgrave (2000), 231).

2. Без государственного вмешательства будет существовать вакуум: некоторые требования не будут удовлетворены и положение людей ухудшится.

Первое утверждение касается причин расширения функций государства, второе – его последствий. Проблема первого утверждения заключается в том, что даже при использовании такого растяжимого понятия, как «необходимость», было бы абсурдно объяснять этим более радикальные формы государства с расширенными функциями, такие как коммунизм или диктатура Мобуту. Однако теория расширения функций государства на основе необходимости также сталкивается с проблемами, касающимися перехода от режима государства с ограниченными функциями к квазилиберальному режиму. Чьи потребности предположительно являются движущей силой этого перехода и как их можно измерить? Каким образом можно увязать с потребностями неравномерное увеличение количества регулирующих норм и трансфертов? Поразительно, что в течение определенных непродолжительных периодов времени объем социальных трансфертов в развитых странах рос не постепенно, а скачкообразно (Tanzi, Schuknecht (1997)). Аналогичная, вызывающая удивление динамика характерна также для определенных типов регулирующих норм, в особенности касающихся финансовой системы (Allen, Gale (2000)). Сомнительно, чтобы какая-либо разумная концепция потребностей могла объяснить подобный характер увеличения объема трансфертов и количества регулирующих норм. Теория расширения функций государства на основе необходимости является неубедительной попыткой объяснить данный факт посредством псевдопсихологических или псевдорыночных понятий. Хуже всего, что она оправдывает расширение функций государства.

Второе утверждение относительно того, что без государственного вмешательства будет существовать «пустота», ухудшающая положение людей, служит иллюстрацией подхода экономической теории благосостояния

к вопросу об оптимальном масштабе деятельности государства. Мы уже рассмотрели проблемы практического применения теоретических концепций общественных благ и внешних эффектов. Здесь я хотел бы добавить следующее. Во-первых, деятельность негосударственных субъектов не сводится к рыночным сделкам с целью получения прибыли. Она также включает различные соглашения об оказании помощи самим себе или друг другу. И рыночные сделки с целью получения прибыли, и соглашения об оказании взаимной помощи предполагают добровольное сотрудничество. Поэтому даже если кто-либо сможет показать, что рынок не выполняет определенную полезную функцию, из этого необязательно следует, что эту функцию должно выполнять государство.

Во-вторых, расширение функций государства ограничивает масштабы институционального экспериментирования (Науек (1960)). Экономисты согласны с тем, что расширение функций государства способствует возникновению пагубных эффектов вытеснения даже в менее серьезных случаях, не говоря уже о антилиберальных или нелиберальных режимах. Рассмотрим контроль за ценами, который ведет к дефициту и рационированию товаров. Это – первичное государственное вмешательство. Если в результате этого норма прибыли падает ниже уровня, ожидаемого частными инвесторами, пустота будет заполнена государственными инвестициями. Это – вторичное вмешательство. Пустота отсутствовала до государственного вмешательства; она возникла в его результате. Типичным примером является рынок жилья, на котором контроль за арендной платой ведет к появлению «социального» жилья.

Обобщая, можно сделать набросок простой модели саморасширения государственной деятельности, начинающейся с первичного вмешательства, которое является следствием различных взаимодействий политических факторов, связанных с государственной идеологией и действиями групп с особыми интересами. После того как оно предпринято, данное вмешательство зачастую способствует возникновению вторичного вмешательства вследствие функциональной необходимости – то есть давления, осуществляемого вопреки первоначальным намерениям лиц, принимающих решения. Например, если первичное вмешательство сделало неприбыльными частные инвестиции в жилищное строительство, а жилье по-прежнему необходимо, потребуются государственные инвестиции в жилищное строительство.

Данная простая схема помогает объяснить причины вытеснения частной деятельности в тех сферах, где общепринятая экономическая теория обычно считает присутствие государства само собой разумеющимся вследствие «несовершенства рынка». Рассмотрим образование. До введения «бесплатного» обязательного образования в государственных школах в Англии и Уэльсе, а также Соединенных Штатах существовала обширная сеть начальных школ, в которых взималась плата за обучение, вносимая работающими родителями и церковью. Удельный вес расходов на дневное образование детей всех возрастов в Англии в 1833 г. составлял приблизительно 1% чистого национального дохода. К 1920 г., когда обучение в

школах стало «бесплатным» и обязательным, данный показатель снизился до 0.7% (West (1991)). «Бесплатные» (то есть финансируемые за счет налогов) государственные школы «поглотили» спрос на образование, и в результате предложение негосударственных образовательных услуг, предоставляемых за плату, значительно сократилось. Помимо этого, подобное «поглощение» спроса затормозило развитие инновационных негосударственных образовательных услуг. Эдвин Вест подчеркивает, что, «за исключением Маркса и Энгельса, политэкономы вплоть до середины XIX в. выступали в пользу оказания образовательных услуг посредством свободного частного рынка», поскольку они считали плату за обучение «одним из инструментов, с помощью которого родители могли поддерживать необходимую конкуренцию между учителями и школами» (West (1991)). Джон Стюарт Милль рекомендовал обязательные экзамены, но не обязательное обучение.

Рассмотрим также индивидуальные риски, такие, например, как риск стать безработным. Подобные события зачастую служат обоснованием «социального» страхования, финансируемого государством. Данное утверждение обычно подкрепляют ссылками на несовершенство рынка капитала. Однако простейшей мерой было бы уменьшение всех тех важнейших индивидуальных рисков, которых можно избежать. Существенные индивидуальные риски возникают в результате проведения политики расширения функций государства, ведущей к фискальным или финансовым кризисам, высокой инфляции и высокой безработице. Наилучшим и незаменимым социальным страхованием послужит недопущение подобной политики посредством перехода от государства с расширенными функциями к государству, выполняющему ограниченные функции.¹⁸

Более того, подобная реформа приведет к увеличению темпов роста индивидуальных доходов и сбережений и тем самым повысит возможности людей преодолевать различные риски. Помимо этого, эмпирические исследования показывают, что в бедных странах существует множество неформальных «стратегий по снижению риска» (например, взаимный обмен подарками и займами и денежные переводы от эмигрировавших членов семьи) и на удивление большой потенциал для создания более современных негосударственных институциональных рамок, поощряющих сбережения и обеспечивающих страхование и микрокредитование (Morduch (1999)). Добровольные общества страхования были широко распространены в западных странах вплоть до введения обязательного социального страхования. Например, в Великобритании число зарегистрированных

¹⁸ Стиглиц подчеркивает, что «сила различных государств – охват всех членов общества и способность к принуждению – является также его наибольшим обязательством», поскольку «ошибки, допущенные при такой концентрации власти, могут иметь гораздо более губительные последствия по сравнению с ситуацией, когда они совершаются в обществе с децентрализованным принятием решений» (Stiglitz (1989)). Ясно, это аргумент против расширения функций государства (то есть против более сильного государства) и в пользу государства с ограниченными функциями.

членов обществ взаимопомощи составляло 2.8 млн человек в 1877 г., 4.8 млн человек в 1897 г. и 6.6 млн человек в 1910 г. (Green (1985)). Подчеркивается, что «программы, напрямую регулируемые государством, как правило, сталкивались с неизбежными трудностями, связанными с обеспечением соблюдения их условий участниками», и что «это оказало негативное воздействие на устойчивость программ общественного кредитования в долгосрочном периоде» (Morduch (1999), 201).

Расширение масштабов финансируемого государством социального страхования приводит к вытеснению традиционных соглашений и воспрепятствовать появлению более современных. На данную опасность прямо указывается в одном из последних отчетов Всемирного банка: «Конкуренция со стороны государства, обеспечивающего социальные трансферты, может привести к устранению частных институциональных соглашений... которые могут быть более эффективными в отношении бедных людей по сравнению с далекими от их нужд программами (государственной) социальной помощи» (World Bank (2002), 24). Это то, что фактически произошло в западных странах с возникновением государства всеобщего благосостояния.

Установленные государством социальные трансферты частично могут достаться тем, кто находится в лучшем положении; они могут также вытеснить добровольные соглашения, от которых выигрывают бедные слои населения. В результате, не исключено, что государственные схемы осуществления трансфертных платежей в бедных странах могут привести к ухудшению положения бедных. В подобной ситуации государство всеобщего благосостояния оказывает негативное воздействие на благосостояние общества. Необходимо также помнить, что увеличение налогов для финансирования социальных расходов препятствует экономическому росту и созданию рабочих мест.¹⁹

И, наконец, увеличение количества норм, регулирующих финансовую систему, четко показывает, каким образом определенное первичное вмешательство ведет к вторичному вмешательству, тем самым порождая крупную дозу государственного регулирования, эффективность которого вызывает сомнение. Роль первичного вмешательства может быть показана на примере щедрого страхования депозитов, которое в значительной степени подорвало дисциплину на рынке (то есть заинтересованность вкладчиков осуществлять надзор за банками с точки зрения уровня их собственного капитала и требовать полного раскрытия соответствующей информации). Возникшая брешь породила волну вторичного регулирования, такого как введение нормативов достаточности собственного капитала с

¹⁹ Можно вспомнить предостережение Хайека относительно возникновения «государства всеобщего благосостояния»: «В то время как в прежние времена зло, обусловленное социальными расходами, постепенно исчезало с ростом благосостояния, меры, которые мы предприняли, начинают угрожать этому росту благосостояния, от которого зависит улучшение ситуации в будущем» (Hayek (1960), 305).

учетом риска, ограничений на структуру банковских портфелей и использование в качестве контрольного показателя объема долгов, имеющих в случае взыскания более низкий статус (Bhattacharya et al. (1998); Dowd (1996); Benston, Kaufman (1996)). Указанные разумные нормы регулирования в принципе являются рациональной реакцией на ситуацию, вызванную первичным государственным вмешательством.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая теория не дает четкого ответа на вопрос о том, чем должно заниматься государство. Непосредственная причина этого – трудность использования основных теоретических концепций (концепций общественных благ и внешних эффектов) применительно к реальному миру. Более глубокой причиной является пренебрежение основными экономическими свободами как рамками, определяющими границы деятельности государства. Даже в западных странах интеллектуальные и конституционные позиции экономической свободы серьезно ослабли на протяжении XX в., что открыло путь к расширению функций государства.

Расширение государственной деятельности, то есть увеличение числа установленных государством ограничений экономической свободы, трудно оправдать необходимостью повышения эффективности функционирования экономики. Верным будет считаться прямо противоположное утверждение: чем более радикальным является подобное расширение функций государства, тем больше экономический ущерб. Различные формы расширения функций государства могут быть также увязаны с коррупцией, уклонением от уплаты налогов, теневой экономикой и ослаблением государственной защиты оставшихся экономических свобод. Многие отклонения от модели государства, выполняющего ограниченные функции, способствуют увеличению числа пострадавших людей, таких как остающиеся длительное время безработными.

Нельзя считать само собой разумеющимся то, что если функции государства останутся ограниченными (то есть направленными на защиту основных свобод), то определенные услуги не будут предоставлены и положение людей ухудшится. Не следует недооценивать потенциал добровольного сотрудничества, включающего заключение рыночных сделок с целью получения прибыли, а также соглашений о взаимной помощи. Существуют также различные индивидуальные стратегии, направленные на снижение риска. Фактически расширение функций государства вытесняет многие виды деятельности негосударственных субъектов и препятствует появлению новых потенциально выгодных частных соглашений. Это служит убедительной причиной считать оптимальным государство с ограниченными функциями.

В последние двадцать лет проявилась тенденция к движению от государства с расширенными функциями к государству, выполняющему ограниченные функции. Данная тенденция показывает, что задача ограниче-

ния масштабов государственной деятельности и тем самым реализации потенциала добровольного сотрудничества и индивидуальных инициатив вполне достижима, несмотря на то что этот переход далек от завершения и сопряжен с трудностями. Всегда будут существовать определенные люди, видящие выгоды (такие как власть и экономическая рента) в ограничении свободы других людей. Кроме того, всегда будут существовать определенные идеологии, придающие государственной власти эмоциональное значение или подрывающие доверие к добровольному сотрудничеству.

Необходимо использовать любой подходящий момент для закрепления образа государства, ограниченного рамками основных индивидуальных свобод, перечисленных в действующей конституции. Существуют и другие ограничения свободы действий государственных органов, которые также обеспечивают защиту индивидуальных свобод. Институционализированные ограничения в налогово-бюджетной сфере сдерживают рост государственных расходов и, следовательно, уровня налогообложения. Независимость центрального банка препятствует использованию инфляционного финансирования бюджетного дефицита и тем самым защищает индивидов от введения инфляционных налогов. Членство во Всемирной торговой организации ограничивает страны в части использования протекционистских мер и помогает защитить внутренних потребителей и налогоплательщиков. Необходимо ввести или укрепить эти и другие линии второго круга обороны.

ЛИТЕРАТУРА

Akerlof, G.A. (1982) Labor Contracts as Partial Gift Exchange, *Quarterly Journal of Economics*, 97, 4, 543–569.

Allen, F., Gale, D. (2000) *Comparing Financial Systems*, Cambridge, MIT Press.

Arcia, G. (2000) Macroeconomic Impacts of Social Safety Nets, *CAER II Discussion Paper*, 82.

Balcerowicz, L. (1995a) *Freedom and Development*, Krakow, Znak (in Polish).

Balcerowicz, L. (1995b) *Socialism, Capitalism, Transformation*, Budapest, Central European University Press. (Рус. перев. – Бальцерович Л. (1999) *Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох*, Москва, Наука. – Здесь и далее – прим. перев.)

Balcerowicz, L. (2002) *Post-Communist Transformation: Some Lessons*, London, Institute of Economic Affairs.

Balcerowicz, L. (2003) *Toward a Limited State*, distinguished lecture of the World Bank Group Private Sector Development Vice Presidency, Washington, World Bank Group.

Bauer, P.T. (1976) *Dissent on Development*, Cambridge, Harvard University Press.

Beach, W.W., O'Driscoll, G.P., Jr. (2003) Explaining the Factors of the Index of Economic Freedom, G.P. O'Driscoll, Jr., E.J. Feulner, and M.A. O'Grady, *2003 Index of Economic Freedom*, Washington, Heritage Foundation, Wall Street Journal, 49–69.

Benston, G.J., Kaufman, G.G. (1996) The Appropriate Role of Bank Regulation, *Economic Journal*, 106, May, 668–697.

Bhattacharya, S., Boot, A.W.A., and Thakor, A.V. (1998) The Economics of Bank Regulation, *Journal of Money, Credit, and Banking*, 30, 4, 745–770.

Buchanan, J.M. (1998) The Constitution of Economic Policy, J.A. Gwartney, R.E. Wagner (eds), *Public Choice and Constitutional Economics*, Greenwich, JAI Press. (Рус. перев. – Бьюкенен Дж. (1997) Конституция экономической политики, *Сочинения*, Москва, Таурус Альфа, 23–30.)

Buchanan, J.M., Musgrave, R.A. (2000) *Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State*, Cambridge, MIT Press.

Charap, J., Harm, C. (1999) Institutionalized Corruption and the Kleptocratic State, *IMF Working Paper*, 91.

Coase, R.H. (1960) The Problem of Social Cost, *Journal of Law and Economics*, 3, October, 1–44. (Рус. перев. – Коуз Р. (1993) Проблема социальных издержек, *Фирма, рынок и право*, Москва, Дело, 87–141.)

Coase, R.H. (1974) The Lighthouse in Economics, *Journal of Law and Economics*, 17, 2, 357–376. (Рус. перев. – Коуз Р. (1993) Маяк в экономической теории, *Фирма, рынок и право*, Москва, Дело, 169–192.)

Creveld, M. van (1999) *The Rise and Decline of the State*, Cambridge, Cambridge University Press.

Djankov, S., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2002) The Regulation of Entry, *Quarterly Journal of Economics*, 117, 1–37.

Dollar, D., Kray, A. (2002) *Growth Is Good for the Poor*, Washington, World Bank, mimeo.

Dorn, J.A. (1988) Public Choice and the Constitution: A Madisonian Perspective, J.D. Gwartney, R.E. Wagner (eds), *Public Choice and Constitutional Economics*, Greenwich, JAI Press, 57–102.

Dowd, K. (1996) The Case for Financial Laissez-Faire, *Economic Journal*, 106, May, 679–687.

Feldstein, M. (1997) How Big Should Government Be? *National Tax Journal*, 50, 2, 197–213.

Friedman, M., Friedman, R. (1984) *The Tyranny of Status Quo*, San Diego, Harcourt Brace Jovanovich.

Glaeser, E.L., Shleifer, A. (2003) The Rise of the Regulatory State, *Journal of Economic Literature*, 41, 2, 401–425.

Gow, H.R., Swinnen, J.F.M. (2001) Private Enforcement Capital and Contract Enforcement in Transition Economies, *American Journal of Agricultural Economics*, 83, 3, 686–690.

Greif, A. (1997) Contracting, Enforcement, and Efficiency: Economics beyond the Law, M. Bruno, B. Pleskovic (eds), *Annual World Bank Conference on Development Economics*, Washington, World Bank, 236–266.

Gwartney, J., Holcombe, R., and Lawson, R. (1998) The Scope of Government and the Wealth of Nations, *Cato Journal*, 18, 2, 163–190.

Hanke, S., Walters, S.J.K. (1997) Economic Freedom, Prosperity, and Equality: A Survey, *Cato Journal*, 17, 2, 117–146.

Hanson, F.A. (1997) How Poverty Lost Its Meaning, *Cato Journal*, 17, 2, 189–210.

Hayek, F.A. (1960) *The Constitution of Liberty*, Chicago, University of Chicago Press.

Holmes, S., Sunstein, C.R. (1999) *The Cost of Rights. Why Liberty Depends on Taxes*, New York, W.W. Norton.

Keefe, P., Knack, S. (1997) Why Don't Poor Countries Catch Up? A Cross-National Test of an Institutional Explanation, *Economic Inquiry*, 35, July, 590–602.

Keese, M., Martin, J.P. (2002) *Improving Labor Market Performance: Lessons from OECD Countries' Experiences*, mimeo.

Lindbeck, A. (1994) The Welfare State and the Employment Problem, *American Economic Review*, 84, 2, 71–75.

Lomasky, L.E. (1987) *Persons, Rights, and the Moral Community*, Oxford, Oxford University Press.

Mathews, J.T. (1997) Power Shift, *Foreign Affairs*, 76, January/February, 50–66.

Mises, L. von (1949) *Human Action*, New Haven, Yale University Press. (Рус. перев. – Мизес Л. (2000) *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории*, Москва, Экономика.)

Mises, L. von (1956) *The Anti-Capitalistic Mentality*, Princeton, van Nostrand. (Рус. перев. – Мизес Л. (1993) *Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность*, Москва, Catalaxy.)

Morduch, J. (1999) Between the State and the Market: Can Informal Insurance Patch the Safety Net? *World Bank Research Observer*, 2, 187–202.

Nickel, S.C. (1997) Unemployment and Labor Markets: Europe versus North America, *Journal of Economic Perspectives*, 12, 3, 55–74.

Niskanen, W. (1996) Welfare and the Culture of Poverty, *Cato Journal*, 16, 1, 1–16.

Nozick, R. (1974) *Anarchy, State, and Utopia*, New York, Basic Books.

Nozick, R. (1997) *Why Do Intellectuals Oppose Capitalism?* Socratic Puzzles, Cambridge, Harvard University Press.

Phelps, E.S. (1987) Distributive Justice, J. Eatwell, M. Milgate, and P. Newman (eds), *Social Economics. The New Palgrave*, London, Macmillan Press.

Quibria, M.G. (2002) Growth and Poverty: Lessons from the East Asian Miracle Revisited, *AOB Research Paper*, 33.

Rabushka, A. (1985) *From Adam Smith to the Wealth of America*, New Brunswick, Transactions Books.

Rawls, J. (1971) *A Theory of Justice*, Cambridge, Harvard University Press. (Рус. перев. – Ролз Дж. (1995) *Теория справедливости*, Новосибирск, Издательство Новосибирского университета.)

Rose-Ackerman, S.C. (1999) *Corruption and Government*, Cambridge, Cambridge University Press.

Rothbard, M.C. (1970) *Power and Market*, Kansas City, Sheed Andrews and McMeel. (Рус. перев. – Ротбард М. (2002) *Власть и рынок. Государство и экономика*, Москва, Социум.)

Samuelson, P.A. (1954) The Pure Theory of Public Expenditure, *Review of Economics and Statistics*, 36, 387–389.

Scarpetta, S., Hemmings, P., Tressel T., and Woo, J. (2002) The Role of Policy and Institutions for Productivity and Firm Dynamics: Evidence from Micro and Industry Data, *OECD Working Paper*, 329.

Schneider, F., Enste, D.H. (2000) Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences, *Journal of Economic Literature*, 38, March, 77–114.

Schultz, T.W. (1980) The Economics of Being Poor, *Journal of Political Economy*, 88, 4, 639–651.

Schumpeter, J.A. (1950) *Capitalism, Socialism, and Democracy*, New York, Harper Torchbooks. (Рус. перев. – Шумпетер Й. (1995) *Капитализм, социализм и демократия*, Москва, Экономика.)

Scully, G.W. (1992) *Constitutional Environments and Economic Growth*, Princeton, Princeton University Press.

Sen, A. (1999) *Development as Freedom*, Oxford, Oxford University Press. (Рус. перев. – Сен А. (2004) *Развитие как свобода*, Москва, Новое издательство.)

Stigler, G.J. (1971) The Theory of Economic Regulation, *Bell Journal of Economics*, 1, 1–21.

Stiglitz, J.E. (1988) *Economics of the Public Sector*, New York, W.W. Norton. (Рус. перев. – Стиглиц Дж.Ю. (1997) *Экономика государственного сектора*, Москва, МГУ, ИНФРА-М.)

Tanzi, V. (1998a) Corruption around the World, *IMF Staff Papers*, 45, 4, 559–594.

Tanzi, V. (1998b) Fundamental Determinants of Inequality and the Role of Government, *IMF Working Paper*, 178.

Tanzi, V., Schuknecht, L. (1997) Reconsidering the Fiscal Role of Government: The International Perspective, *American Economic Review*, 87, 2, 164–168.

Waldmeir, P. (2001) Justice for the Hired Hand, *Financial Times*, May 17.

Weber, M. (1922) *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tubingen.

West, E.G. (1991) The Rise of the State in Education, *Policy: Journal of Public Policy and Ideas*, 7, Autumn, Winter.

Wolf, C., Jr. (1988) *Markets or Governments. Choosing between Imperfect Alternatives*, Cambridge, MIT Press.

World Bank (2001) *Building Institutions for Markets. World Development Report 2002*, Washington, World Bank. (Рус. перев. – Всемирный банк (2002) *Доклад о мировом развитии 2002: Создание институциональных основ рыночной экономики*, Москва, Весь мир.)